

Титул жреца-херихеба в текстах Древнего Царства: возможные интерпретации

Кажется, никакой другой жреческий титул не предоставляет нам столько загадок и путаницы, как *hrj-ḥb(t)* – «херихеб». Особенно это заметно по источникам периода Древнего царства. Основное значение этого термина – разновидность жреческой службы. Так, в соответствующей словарной статье словаря А. Эрмана-Г. Грапова, термин *hrj-ḥb(t)* переводится как «Art Priester, gelehrt und zauberkundig (“Vorlesepriester”, Sogennanter “Cherheb”)»¹. Но возможны и другие контексты, в которых этот термин употребляется. Определить, всегда ли он означал реальную жреческую службу, иногда трудно. С одной стороны, существуют источники – это титулы, представленные в гробницах частных лиц, согласно которым должность херихеба следует относить к высшим египетским должностям, поскольку в перечне титулов владельцев гробниц титул *hrj-ḥb(t)* встречается вместе с названиями высших государственных должностей, и кроме того, сравнительный анализ употребления титулов *hrj-ḥb(t)* и других жреческих титулов показывает, что в системе рангов *hrj-ḥb(t)* должен занимать более высокую позицию, чем *ḥmw-ntr*, которые были основой храмового жречества данного периода. Вместе с тем, ранг херихеба был ниже, чем ранг сема, поскольку в большинстве титулатур, где имелись оба титула, появляется *hrj-ḥb(t) hrj-tp*, «старший херихеб», а не просто «херихеб».

С другой стороны, однозначное определение *hrj-ḥb(t)* как жреческой должности высшего разряда вряд ли может считаться правомерным во всех случаях, поскольку этот титул называли в списках своих титулов также люди, которые вряд ли успевали исполнять еще и жреческие обязанности, кроме того, он встречается в надписях возле изображений лиц, зависимых от хозяина гробницы, т.е. тех, социальный статус которых никак нельзя назвать высоким. Таким образом, когда в надписях Древнего царства встречается титул херихеба, возможны три варианта интерпретации данного титула:

1. Он означает реальную жреческую службу в храме.
2. Он является сопровождающим титулом чиновника, за которым не стоит реальная жреческая служба.
3. Он означает исполнение жреческой службы в гробнице частного лица, при этом не обязательно он должен означать, что особа,

имеющая данный титул, в действительности является жрецом-профессионалом.

Определить, в контексте какого из трех указанных выше случаев употребляется термин «херихеб», не всегда просто. Кроме того, само слово «херихеб» может употребляться в надписях гробниц в текстах религиозного характера, например, когда речь идет о «тайном искусстве херихеба», в формулах-призывах совершить ритуал в гробнице – «о, какой-нибудь херихеб...» и в предложениях-предостережениях, типа «Это я “просветленный”, прекрасный, знающий тайное искусство херихеба». Во всех последних случаях название херихеб не является титулом конкретного лица вообще.

Название жреческой службы херихеб – «тот, кто при свитках», или «человек свитков»² свидетельствует, что в самом начале образования государства это была должность, обязанности которой связывались не только с культом. Первоначально херихеб был знатоком письма (не случайно, его атрибутами были свитки с текстами), который, благодаря своему умению читать иероглифы, владел магической силой созидания через слово и через письмо. Поскольку письмо и чтение всегда были связаны с магией, поэтому *hrj-ḥb(t)* считался сведущим в ней, колдуном. Как знатока иероглифического письма и священных книг, где собраны знания, его можно назвать не только писцом, но и ученым, ведь он должен быть ознакомленным со священными книгами, уметь их переписывать, читать, толковать и писать новые, т. е., добывать новые знания, систематизировать, хранить и передавать их, чем занимаются в наше время ученые. В период Древнего Царства *hrj-ḥb(t)* уже должен был быть профессионалом, но его профессионализм состоял в умении читать религиозные тексты, в этом заключалась его главная особенность, которая отделяла его от простого писца.

В культуре древнего Египта огромную роль играло слово, обоих его аспектах – как слово изреченное, речь, так и слово записанное, текст. Слово и речь, согласно определению одного из самых выдающихся исследователей современности Яна Ассмана, является одним из измерений пространства «близости к богу» египетской религии³. Сакральное слово обладает силой «просветления», «сияния» или «излучения», которая в силу «сакрального истолкования» делает возможным выявить в природных вещах и явлениях сакральный, божественный смысл. Египетская теория речи предполагала наличие связи между именем и его носителем (человеком или богом), названием и обозначаемым им предметом или явлением. Таким образом, речь, произнесение сакральных слов, реплики, произносимые жрецами во время церемонии, активизируют связь обыденного мира и мира богов; речевое воспроизведение какого-то события, произошедшего в мире богов, согласно египетских представлений, воскрешает это событие, делает его реальным «здесь» и «сейчас». Следовательно, любое неправильно произнесенное слово во время исполнения обряда могло повлечь за

собой тяжкие последствия не только для отдельного индивида, но для общества в целом, поэтому от жреца требовалось знание и точное соблюдение всех пунктов ритуала. В силу этого же обстоятельства огромное значение приобретает слово записанное, текст, поскольку запись и последующее прочтение ее содержания предполагали активизацию, материализацию того, о чем проговаривалось в тексте. Например, если это формула-пожелание разных благ покойному, то ее зачитание обеспечивало ему эти блага в потустороннем мире, а если это проклятие на голову врагов фараона, то его произнесение автоматически вызывало к жизни те кары, которые предполагалось наслать на злоумышленников. Поэтому в египетской культуре было разработано три системы письма: иероглифическая, иератическая и демотическая, каждая из которых предназначалась для определенных нужд, обслуживала сакральную или профанную область культуры. Вся документация, как и другие тексты обыденной жизни, записывались демотикой. Две другие системы письма предназначались для записи священных текстов, религиозной литературы, а также царских указов, надписей в гробницах царей и частных лиц, т.е. для надписей, которые были ориентированы на длительное, в идеале на вечное сохранение, на инобытие, и на общение с миром богов. Иератикой записывались священные тексты на папирусе, иероглификой – на камне, а также на других твердых материалах. Таким образом были разграничены сферы сакрального и бытового употребления письменности. Египетская административная система имела потребность в большом количестве грамотных людей, которые бы вели необходимую бюрократическую работу. Вся документация записывалась демотической системой письма. Потребности управления обеспечивала значительная армия писцов разного ранга, знакомых с этой системой письма.

Херихебы – это не просто грамотные чиновники, это мастера-виртуозы, владеющие письменной иератической, а также иероглифической системами письма. В обязанности херихеба как жреца входило выполнение церемонии открытия уст и принесение заупокойных жертв в храмах а также «чтение» (т. е. декламация) священных текстов, что, по-видимому, считалось вершиной древнеегипетской науки, по сравнению с просто знанием египетского письма. Если от писца требовалось простого умения писать и читать египетское письмо, то от херихеба соответственно – еще и чтения текстов религиозного характера и знания их скрытого содержания, а также умения толковать его (т. е. прочесть не только первичный смысл текста, а посредством сложной системы символов, аллитераций и ассоциативных связей находить скрытые в нем смыслы). Поэтому искусство херихеба было связано с тайной. Государственные служащие высших рангов, наверное, должны были владеть этим таинственным умением читать священные книги, о чем свидетельствовали титулы херихебов в их титулатурах. Ведь эти жреческие титулы в период Древнего царства

встречаются в большинстве случаев в титулатурах высших государственных чиновников.

Изю всех лиц, имевших титулы херихебов, только небольшая часть принадлежала к чиновникам среднего или низшего ранга, поскольку в их титулатурах отсутствуют титулы высших рангов и другие жреческие титулы. Остальные лица, которые имели титулы херихеба, были однозначно высшими государственными чиновниками, в том числе визири, казначеи царя, лица, имевшие титулы *r-p^ct* (князь) и (или) *h3tj-c* (местный князь), многие царевичи и т. д. Связь херихебов именно с царской семьей и личностью царя тоже не есть случайной, ибо, как и сем, *hrj-hb(t)* действовал как сын царя, как его доверенное лицо, от имени своего повелителя. Обязанности херихеба сначала также выполнял царевич, и только впоследствии произошло формирование херихебов как жреческой должности. Обязанности, связанные с данной должностью, сначала не ограничивались сугубо религиозной сферой, и еще во время III династии она означала что-то вроде царского секретаря, доверенного лица и, как правило, при IV династии значительная часть родственников, в первую очередь сыновей царя, имели титул херихеба. Знаменательно, что во время правления Хафра его сыновья были не просто херихебами, но имели титул *hrj-hb(t) it.f* – «Херихеб своего отца», как, например: Ниусерра⁴, Иун-Ра,⁵ Анхмара⁶ и Сехемкара⁷. В данном случае очень уместным будет перевод этого словосочетания именно как «секретарь своего отца», что раскрывает суть его обязанностей, которые не воспринимались древними египтянами как мирские, профанные, но как священные, поскольку они связаны с обслуживанием бога-царя. Понятие «дворец» воспринималось древними египтянами не только в его значении «резиденция царя», но и в значении «место культа», как синоним слова «храм», как местопребывание бога-царя, и, наоборот, заупокойный храм фараона воспринимался, как его вечное жилище⁸, т. е. «храм» и «дворец» в представлении древних египтян относились к одному кругу понятий. Эта ситуация наблюдалась не только в эпоху Древнего царства, но и позже.

В заупокойном храме царя Сахура имеются надписи и изображения, где упоминается сын этого царя *Ntrj-rn-r^c*, носивший титул *hrj-hb(t) n it.f*⁹. Эти надписи являются ценным свидетельством того, что лица, называвшиеся «херихебами своего отца», в действительности исполняли обязанности этой службы в храме. Кроме того, в титулатурах титул херихеб очень часто сопровождает титул «друг единственный» (*smr w^ctj*), который, вероятно, в самом начале формирования государства значил реального друга или спутника правителя, а впоследствии становится придворным титулом. В титулатурах Древнего царства оба эти титула шли всегда друг за другом, как правило, сначала *smr w^ctj*, а потом *hrj-hb(t)* (хотя порядок их следования мог быть обратным), что еще раз подчеркивает характер отношений царя и херихеба.

Возможно, что сначала херихеб был помощником царя (и не только в культовых делах), секретарем правителя, отсюда его связь с письмом и сопровождающий титул писца либо царских документов (*zš ʿr nswt*), либо письмен бога (*sš md3it ntr*). Другим титулом, который очень часто объединялся с херихебом, был *hrj-sšt3* – «тот, кто над тайной», или «секретарь».

В надписи из Вади Хаммамат об экспедиции, возглавленной начальником всех царских работ, «другом единственным», счетоводом царским, строителем в двух домах Мерира-Мерианх-Птах, проводившейся во времена царствования Мерира-Пепи I, упоминается херихеб с тем же именем, который приходился сыном начальнику экспедиции и также участвовал в ней¹⁰. Стоит отметить, что Мерира-Мерианх-Птах-отец не имел титула херихеба. Интересным является также тот факт, что жрец-херихеб участвует в экспедиции, снаряженной за камнем. Все другие участники похода были каменщиками или начальниками работ, связанных со строительством. Вполне логично считать, что в данном случае херихеб должен был не столько выполнять культовые обязанности, но, скорее всего, служить писцом и секретарем начальника экспедиции, своего отца, а его титул удостоверял в первую очередь его осведомленность во всех премудростях египетского письма.

Однако далеко не каждый государственный служащий мог считаться херихебом, тем более, не каждый писец. Здесь, как и в случаях со жреческими титулами других категорий, наблюдается тенденция сочетания жреческой должности именно с верхними прослойками государственных служащих.

Кроме херихебов, занятых в припирамидных храмах, существовали херихебы, которые работали в гробницах частных лиц и «творили дело просветления» для простых смертных (они не всегда оставили записи о себе). Надписи из гробниц частных лиц показывают, что уже в эпоху Древнего царства херихебы были заняты не только в царском заупокойном культе, но также в гробничных культах частных лиц, рядом с такой жреческой категорией, как *hmw-k3*, которую нельзя отнести к жреческим службам высших рангов. Но поскольку именно в гробницах частных лиц встречаются в основном сентенции о «просветлении» их собственников херихебами, равно как и упоминания о «таинственном искусстве херихеба», можно, по крайней мере, констатировать факт, что кто-то исполнял ритуалы «просветления» в гробницах. Следует допустить, найти тех херихебов, которые служили в гробницах, станет возможным, если обратиться к рассмотрению титулов херихебов в титулатурах сыновей хозяев гробниц, родственников и зависимых лиц. В гробнице Сетебу (некрополь Сакара, вторая половина IV династии) имеются изображения четырех жрецов-чтецов, подносящих жертвенные дары хозяину: Мери-птаха, Птаха-секера, Мери и Седжем-нефер-птаха¹¹. В гробнице Кара

(G 7101) имеется изображение некоего херихеба по имени Иду¹², который, скорее всего, не являлся родственником хозяина гробницы, а был именно жрецом-херихебом, который исполнял заупокойные ритуалы. Кроме изображения херихеба Иду в этой гробнице очень хорошо представлены сцены, изображающие херихебов за разными заупокойными ритуалами, исполнявшимися в процессе погребения, а также впоследствии, в частности, в ритуалах поднесения жертвы, «просветления», возлияния, каждения, подметания пола и т.п.¹³. Имена в этих сценах не подписаны, но, тем не менее, данные изображения свидетельствуют об участии херихебов в гробничном культе частных лиц.

Сыновья во время постройки гробниц своих родителей, следовательно, во время создания данных надписей могли быть, скорее всего, людьми молодыми, только начинающими свою карьеру на царской службе, и впоследствии, вполне вероятно, они могли получить те высокие титулы, которых им не хватало во время создания надписей в гробницах их родителей. Однако они уже имели титул херихеба, который, скорее всего, в этом случае должен был означать или то, что они имеют соответствующую квалификацию, т.е. овладели «тайным искусством херихеба», или, что более вероятно, что они, как наследники своего отца, исполняли самую важную роль в ритуале погребения последнего – зачитывали список жертв, а также совершали обряд «просветления», который позволял почившему превратиться в «*ḥ*», блаженного духа. Вполне логично будет считать, что «вещь просветления» в Древнем царстве должен был «творить» старший сын покойного. При этом мы не имеем возможности определить, был ли он во всех случаях херихебом-профессионалом, но в любом случае он должен был быть ознакомлен с «искусством херихеба». К таким херихебам, наверное, относится Ишефи¹⁴, старший сын визиря во времена Тети (начало VI династии) Анхмахора, в гробнице которого и находится изображение его сына. Ишефи имел только три титула: «друг единственный», «надзиратель придворных хентиуше» и херихеб. В данном случае вполне возможно, что Ишефи мог бы впоследствии унаследовать должности Анхмахора, но заметим, что он уже имел титул херихеба, следовательно, более правдоподобно было бы предположить, что это не название его должности, но титул, означающий, что Ишефи будет исполнять обязанности херихеба в гробнице отца.

Другой пример упоминания сына хозяина гробницы с титулом херихеба происходит из заупокойного комплекса Сенеджемиб-Инти. Нижний регистр западного края северной стены камеры IV содержит изображение сцены подношения жертвенного бедра и птицы тремя сыновьями усопшего, из которых двое представлены каждый как «сын его что от тела его», («сын его собственный»), а третий, который держит птицу на руках – *z3.f hrj-ḥb.(t) S...-Mnw-n-ḥ*¹⁵. Старший сын

Сенеджемиба-Инти по имени Сенеджемиб-Мехи не именовал себя херихебом, а Мененанх-... вряд ли был родным сыном хозяина гробницы. Скорее всего, он был близким родственником Сенеджем-Инти и жрецом-херихебом его заупокойного культа, т. е. жрецом-профессионалом. Кроме упоминания об этом жреце, в надписях из данного гробничного комплекса находится также изображение другого херихеба по имени Исеси-баф¹⁶. Здесь же имеется сцена, где херихеб (без имени) осуществляет церемонию «просветления»¹⁷. Появление таких сцен в эпоху V династии означает усложнение ритуала заупокойного культа, к которому теперь привлекалось все больше жрецов, которые должны были иметь представление о том, как правильно отслужить заупокойную службу, т. е. быть специалистами этого дела.

Однако следует сказать, что однозначная интерпретация титула херихеба в титулатурах сыновей хозяев гробниц, как обозначения их обязанностей по отношению к культу отца, тоже не всегда оправдана. Иногда источники подсказывают нам, что данный титул означал именно должность сына хозяина гробницы, место его службы, в крайнем случае, обозначение его квалификации, но не обозначение его статуса наследника. Например, в мастабе Упемнефрета имеется упоминание о херихебе Иби-Хев-Ра¹⁸, который приходился старшим сыном хозяина гробницы. Он имел собственную часовню в мастаба отца, с несколькими собственными стелами, ложными дверями. Судя на основании изображений и надписей в гробнице, Иби имел три титула: *hrj-ḥb(t)*, *zš md3it ntr*, *hrj-sšt3*. Укажем, что отец Иби – Упемнефрет не имел титула херихеба. На восточной стене этой часовни находится изображение Упемнефрета и Иби, а также текст завещания, в котором говорится о дарении сыну Иби «земель северных вместе с гробницей (часовней) северной».¹⁹ В завещании упомянут только один титул Иби – херихеб, хотя даже на этой же стеле под его изображением подписаны все три. Следовательно, в завещании было важно указать на то, что сын Упемнефрета был именно херихебом. Отец ему отдал часть гробницы вместе с землями для обеспечения заупокойного культа, к тому же в завещании подчеркивается, что ни один другой член семьи, «кроме сына старшего, херихеба», не может претендовать на это имущество. Можно было бы предположить, что в данном случае именно сын должен был выполнять ритуал «просветления» для своего отца, за что получил часть гробницы. Но поскольку Иби, скорее всего, умер раньше, чем его отец (для его погребения, собственно говоря, и была предназначена северная часовня, которая первоначально предназначалась для самого Упемнефрета), этот титул не должен означать тот факт, что он исполнял обязанности жреца-херихеба в гробнице отца. Это обозначение его службы.

Как свидетельствуют надписи из гробниц Древнего царства, суть *ḥmt hrj-ḥb(t)* – «искусства херихеба», который служил в гробнице, заключалась не в делопроизводстве, а в исполнении ритуала, давав-

шего возможность умершему достичь состояния овладения своим сакральным вечным и всемогущим телом, т. е., превращения в ах. Ритуал «просветления» как для правителя, так и для его подчиненных входил в обязанности жреческой категории херихебов, но осуществляли его не одни и те же люди. Те херихебы, которые были одновременно чати, номархами или занимали другие высшие государственные должности, наверное, могли исполнять «просветление» именно для фараона, если они в действительности были как-то связаны со жреческой службой. Титул херихеба в их титулатурах мог означать, что они осуществляли ритуал «просветления» именно для царя. Это подтверждается фрагментом изображения из заупокойного храма Сахура, где представлена процессия херихебов, согнутых в поклоне, возглавляемая визирем, (читающим свиток?, часть изображения отбита). Этот фрагмент содержит надпись позади фигуры чати: *ḥjḥ z3b t[3tj] ḥrj-ḥb(t) imj-r3 k3.t nb.t nsw.t Mn-[nfrt] (?)*, а над каждой из четырех склоненных фигур надпись гласит, что это *ḥrj-ḥb(t)*²⁰. Значит, титул херихеба, который чаще всего из всех жреческих титулов встречается в титулатурах визирей, был не просто почетным. Визирь обязан был в определенных случаях исполнять обязанности херихеба.

Но, кроме того, наличие искомого титула в титулатурах высших чиновников должно было свидетельствовать о том, что они овладели «тайным искусством херихеба», которое рассматривалось как вершина знаний, которой мог достичь человек, изучавший египетское письмо. Таким образом, в этих случаях данный титул означал, что эти люди могли быть херихебами, т. е. могли исполнять ритуалы, которые находились в компетенции херихеба, но при этом сам титул вовсе не обязательно должен был означать, что они были жрецами-херихебами в реальности. В данных случаях мы имеем дело с херихебами, которые служили живому царю не только как жрецы, а в первую очередь как чиновники. Условно говоря, появление *ḥrj-ḥb(t)* в их титулатурах, наверное, надо рассматривать, как явление, эквивалентное нашему обозначению «кандидат наук» либо «доктор наук», а не как реальную должность.

Выявить именно жрецов-херихебов, служивших в храмах, нам дают возможность документы и эпиграфические материалы, происходящие из царских припирамидных храмов. Это в первую очередь абусирские папирусы, а также фрагменты надписей, найденные в результате раскопок Л. Борхардта. В надписях заупокойного храма царя Сахура встречаются упоминания шести собственных имен херихебов, исполнявших заупокойные ритуалы для царя²¹. Фрагменты изображений из поминального храма Ниусерра упоминают пять личных имен херихебов, занятых в заупокойном культе²². На основании документов храмового архива Нефериркара можно определить, что херихебы также совершали богослужение в этом припирамидном храме,

хотя их количество не так уж и велико по сравнению с количеством жрецов хему-нечер и уабов. На основании папирусов, изданных П. Познер-Криэже и Ж.Л. де Сенивалем, нам известно двенадцать личных имен херихебов, работавших в этом храме²³, что подтверждает мысль П. Познер-Криэже и Т.Н. Савельевой о том, что херихебы составляли верхушку храмового персонала²⁴.

Жрецы-херихебы не были организованы в «череды» – специальные подразделения, объединение в которые характерно для других видов жречества, но в число храмовых «череда» или фил они могли входить. Не известны также их начальники, кроме *hrj-hb(t) hrj-tp* – «старший херихеб», или «верховный херихеб». Как правило, верховные херихебы были связаны с личностью царя. Подавляющее большинство «верховных херихебов», или «старших херихебов», были родственниками царя либо принадлежали к кругу людей, приближенных к правителю (визирями и т. п.). Это, в частности, херихебы периода IV династии: Ка-уаб²⁵, Неб-ем-ахет²⁶, Иун-мену²⁷, Ниусерра²⁸, Иун-Ра²⁹, Анх-махор³⁰, Неб-ем-ахет³¹, Сехемка-Ра³², Ка-ар³³ – Ни...Ра³⁴. Периодом правления V династии датируются соответственно упоминания о таких «верховных херихебах», как Дебехен³⁵, Меду-нефер I³⁶, визирь *W3š-Pth=Izj*³⁷ и царевич *R^c-m-k3.j*³⁸, соответственно, временем правления VI династии – визири Анхмахор=Зези (*ḥnh-m-ḥr=Zzj*)³⁹, Кагемни-Меми⁴⁰, Мерерука-Мери⁴¹, Чечу (*Tḥw*)⁴², номарх Хетепхерен-Птах⁴³, а также Меду-нефер II⁴⁴ и Чаути-икер⁴⁵. Следует сказать, что до конца Древнего Царства в титулатурах номархов (речь идет о тех случаях, когда в этих титулатурах присутствовали титулы «начальник бурга» (*ḥk3 ḥwt*) или «начальник нома» «номарх» (*hrj-tp ḥ3 n sp.t*) титул «старший херихеб» не встречается редко. Очевидно, эта должность далеко не всегда предоставлялась номархам, они имели право только на титул херихеб, который в их титулатурах был названием ранга, а не реальной жреческой должности.

¹ Erman A., Grapow H. Wörterbuch der Aegyptischen Sprache. – В. I–VI. – Berlin, 1957. – В. III. – S. 395.

² Helck W. Untersuchungen zu den Beamtentiteln des Agyptischen Alten Reiches. – Glückstadt-Hamburg-New York, 1954. – S. 31.

³ Ассман Я. Египет: теология и благочестие ранней цивилизации / Пер. с нем. – Москва, 1999. – С. 26, 134–174.

⁴ Hassan S. Excavations at Giza. (1929–1939). – Vol. I–X. – Oxford- Cairo, 1932–1960. – Vol. IV. – P. 185–188.

⁵ Ibid. – Vol. III. – P. 31–34.

⁶ Ibid. – Vol. III. – P. 35–41.

⁷ Ibid. – Vol. IV. – P. 103.

⁸ Baud M. Le palais en temple. Le culte funéraire des rois d'Abousir // Abusir and Saqqara in the year 2000 / Ed. By Miroslav Barta and Jaromír Krejčí. – Praha, 2000. – P. 347–360.

- ⁹ Borchardt L. Das Grabdenkmal des Königs Sa'hu-Re'. – B. I–II. – Leipzig, 1912–1913. – B. I. – S. 89–132., Blt. 49.
- ¹⁰ Sethe K. Urkunden des Alten Reichs. – B. I–IV. – Leipzig, 1932–1933. – S. 93.
- ¹¹ Mariette A. Les Mastabas de l'ancien Empire. – Paris, 1889. – P. 144–145.
- ¹² Simpson W. The Mastabas of Qar and Idu. G 7101 and 7102. – Boston, 1976. – P. 18. – Figs. 22–29.
- ¹³ Ibid. – P. 1–18. – Figs. 22–29.
- ¹⁴ Badawy A. The tomb of Nyhetep-Ptah at Giza and the tomb of 'Anhm'ahor at Saqqara. Berkely. – Los Angeles–London, 1978. – P. 49–50. – Fig. 33.
- ¹⁵ Brovarski E. The Senedjemib Complex. Part I. The mastabas of Senedjemib Inti (G 2370), Khnumenti (G 2374, and Senedjemib Mehi (G 2378) /Ed. by P. der Manuelian and W.K. Simpson. – Boston, 2001. – F. 26, 65.
- ¹⁶ Ibid. – P. 85.
- ¹⁷ Ibid. – P. 26.
- ¹⁸ Hassan S. Excavations at Giza. – Vol. II. (1930–1931). – Cairo, 1936. – P. 179. – Fig. 217, 218, 219.
- ¹⁹ Ibid. – Fig. 219.
- ²⁰ Borchardt L. Das Grabdenkmal des Königs Sa'hu-Re'. – Blt. 47.
- ²¹ Ibid. – S. 89–132. – Blt. 17, 19, 33, 34, 47, 49, 50, 51.
- ²² Borchardt L. Das Grabdenkmal des Königs Ne-user-re. – Leipzig, 1907. – S. 72, 77. – Abb. 52.
- ²³ Hieratic Papyri in the British Museum. Firth series. The Abu Sir Papyri / Edited, together with complementary text in other collections by Paule Posener-Kriéger and Jean Louis de Cenival. – London, 1968. – Pl. VI, XIV, LV, LVI, LXV, LXX, LXXII, LXXXIV.
- ²⁴ Савельева Т.Н. Храмовые хозяйства Египта времен Древнего Царства (III–VIII династии). – М., 1992. – С. 89.
- ²⁵ Dunham D., Simpson W. The Mastaba of Queen Mersyankh III. – Boston, 1974. – P. 1–8, 25.
- ²⁶ Ibid. – P. 1–8, 25,
- ²⁷ Hassan S. Excavations at Giza. – Vol. VII. (1935–1936). – P. 13–22.
- ²⁸ Ibid. – Vol. IV. – P. 185–188.
- ²⁹ Ibid. – Vol. VI. – Part III. – P. 31–34.
- ³⁰ Ibid. – Vol. VI. – Part III. – P. 35–41.
- ³¹ Ibid. – Vol. IV. – P. 125–134.
- ³² Ibid. – Vol. IV. – P. 103.
- ³³ Murray M.A. Saqqara Mastabas. – Part I. – London, 1905. – P. 4. – Pl. III.
- ³⁴ Hassan S. Excavations. – Vol. VII. – P. 73–79.
- ³⁵ Ibid. – Vol. IV. – P. 159–180.
- ³⁶ Reisner G.A. A History of the Giza Necropolis. – Vol. I.– Cambridge–Harvard – Oxford – London, 1942. – P. 491–492.
- ³⁷ Mariette A. Les Mastabas de l'ancien Empire. 267–271; British Museum Hieroglyphic Texts from the Egyptian Stelae, etc. Part I / Ed. by T.G.H. James T. G. H., second edition. – London, 1961. – Pl. XXI.
- ³⁸ Reisner G.A. A History... – P. 178–181.
- ³⁹ Capart J. Une rue de tombeaux à Saqqarah. Description de trois monuments funéraires de l'ancien Empire égyptien. – Vol. I–II. – Vol. I. Texte; II. Planches. – Bruxelles, 1907. II, Pl. VIII–XVII, VIII–LXIII; Firth C. M., Gunn B. Excavations at Saqqara (1920–1925). Teti Pyramid Cemeteries. – Vol. I–II. – Le Caire, 1926. – Vol. I. – P. 93–102;

Sethe. Op. cit. – B. I. – S. 201; *Badawy A.*, Op. cit. – P. 11–57. – Fig. 45; *Kanawati N., Hassan A.* The Teti Cemetery at Saqqara. – Vol. II. The Tomb of Ankhmahor // The Australian Center for Egyptology: Reports 9. – Warminster, 1997. – P. 11–18, 45.

⁴⁰ *Firth C. M., Gunn B.* Op. cit. – Vol. I. – P. 105–126.; *Sethe K.* Op. cit. – S. 194–196.

⁴¹ *Firth, Gunn*, Op. cit. – Vol. I. – P. 131.

⁴² *Firth, Gunn*, Op. cit. – Vol. I. – P. 28–30, 151–156; Vol. II. – Pl. 61.

⁴³ *Sethe K.* Urkunden. – S. 231.

⁴⁴ *Ibid.* – S. 229.

⁴⁵ *Ibid.* – S. 258–259.